

УДК 1 (03)

Н.А. Блохина

ПИТЕР СТРОСОН О КАНТИАНСКИХ ОСНОВАНИЯХ АНАЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКИ¹

На основе двух поздних статей британского философа Питера Стросона (1919-2006) показано, что он, оставаясь верным своей концепции дескриптивной метафизики, считал, что Иммануил Кант являлся предтечей аналитической метафизики в выработке концептуальных средств, но мы скажем, что и в форме методологических устремлений.

аналитическая философия, дескриптивная метафизика, метафизический и эмпирический реализм, концептуальная схема.

В середине двадцатого столетия британский философ Питер Стросон (1919-2006) привлек к себе внимание тем, что после длительного периода в истории аналитической философии, характеризовавшегося падением интереса к метафизике и попытками её элиминации, вернулся к традиционной метафизической проблематике и вместе с тем остался в пределах философии анализа. Единственно возможным предметом философии Стросон признавал анализ языка. Как представитель Оксфордской школы лингвистического анализа он считал, что таким языком может быть только обыденный язык. На этом сходство Стросона с философами-аналитиками того времени заканчивалось, поскольку для Стросона язык был интересен не сам по себе, а теми онтологическими и гносеологическими выводами, которые следовали из его анализа.

¹ Статья напечатана в журнале «Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина». «2012. №3 / 36.

Стросон ставил перед собой поистине кантовские задачи – исследовать возможности познания. Исходя из анализа обыденного языка, философ надеялся выявить самые общие черты концептуальной схемы нашего знания и с помощью этой схемы пробиться к внеязыковой структуре бытия. Ранее предпринятые попытки по искоренению метафизики, по мнению Стросона, не удались, и аналитики должны, считал он, создать новый тип метафизики, свободной от недостатков всех предыдущих метафизик. Новый тип метафизики Стросон назвал дескриптивной (описательной) метафизикой ².

Философ предпринял несколько попыток реализации своей программы дескриптивной метафизики. Первая попытка была осуществлена в книге «Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики», увидевшей свет в 1959 году. В «Индивидах» представлен самый радикальный вариант дескриптивной метафизики. Второй её вариант, но в менее категоричных и более традиционных формулировках, был представлен в книге «Пределы смысла. Заметки о кантовской «Критике чистого разума» (1966). После критики, которой были подвергнуты «Индивиды», для британского философа внутренняя связь его учения с учением Канта стала более значимой. И потому способом совершенствования дескриптивной метафизики он выбрал сопоставление её с трансцендентальной философией Канта, что и было сделано в «Пределах смысла».

В данной работе нет цели по рассмотрению эволюции стросоновской дескриптивной метафизики в «Индивидах» и «Пределах смысла» и по интерпретации в них философии Канта. В отечественном философском сообществе эта работа проделана в кандидатской диссертации Т.Н. Панченко ³, а также в работах В.Н. Брюшинкина и В.А. Чалого ⁴, А.Л. Золкина ⁵, Л.Б.

² Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики / Пер. с англ. В.Н. Брюшинкина, В.А. Чалого; под ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта, 2009. С.8.

³ Панченко Т.Н.. Критический анализ концепции «дескриптивной метафизики» Питера Стросона. Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. Рукопись. - М., 1980.

Макеевой⁶, Е.Н. Сухановой⁷, и некоторых других исследователей. В центре нашего внимания будет проблема кантовского деления мира на мир вещей самих по себе и мир явлений и влияния данной метафизической установки на взгляды некоторых выдающихся философов-аналитиков. Все эти проблемы можно свести к вопросу о кантовских основаниях метафизики в аналитической философии. Этому посвящены две статьи британского философа, написанные в поздний период его творчества.

Проблема реализма и a priori

В статье «Проблема реализма и a priori» (1994) Стросон рассматривает только два значения реализма из множества, как он отмечает, существующих. Оба из них касаются одного и того же вопроса: как природа реальности связана с познавательными и интеллектуальными возможностями человека, то есть что собой представляют вещи сами по себе и что, в принципе, мы о них знаем или как их понимаем⁸. Это метафизический и эмпирический реализм.

Большинство философов, отмечает Стросон, отвергает так называемый метафизический (или, возможно, трансцендентный) реализм или не видят в нём никакого смысла. Согласно данной разновидности реализма реальность, в существование которой мы верим, в принципе, выходит за грань нашего понимания и знания, она непознаваема. Эти философы в своём большинстве называют себя реалистами, но квалифицируют свой реализм как «внутренний» или «человеческий» (Х. Патнэм) или «научный» (У. Куайн). Они могут даже позаимствовать у Канта название для своей концепции – «эмпирический» реализм, хотя Кант по иронии судьбы, считает Стросон,

Брюшинкин В.Н., Чалый В.А. Питер Стросон и его метафизика. Послесловие // Стросон П.Ф. Индивиду. Опыт дескриптивной метафизики. С.296-308.

⁵ Золкин А.Л. Язык и культура в англо-американской аналитической философии XX века. – Автореферат на соискание степени доктора философских наук. – Тула, 2005.

⁶ Макеева Л.Б. Рецензия // Вопросы философии. 2011. №5. С.182-185.

⁷ Суханова Е.Н. Дескриптивная метафизика П.Ф. Стросона в контексте развития аналитической философии. Автореферат на соискание степени кандидата философских наук. – Томск, 2008.

⁸ Strawson P.F. The problem of realism and the a priori // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. - N.-Y.: Oxford University Press, 1997. P. 244-251.

разделяет позицию «эмпирического реализма» и одновременно демонстрирует приверженность строгой форме метафизического реализма. При этом свою позицию Кант называет трансцендентальным идеализмом.

Как известно, Кант признавал два вида познавательных способностей у человека – чувственную интуицию и дискурсивный интеллект, каждый из которых предполагает существование априорных форм: пространства и времени на уровне чувственности и категорий на уровне рассудка и разума. Стросон считает, что для теории познания Канта нет необходимости в признании существования реальности за пределами опыта, она не нуждается в концепции метафизического или трансцендентального реализма.

Стросон согласен с Кантом в том, что категории рассудка и разума носят априорный характер, чего нельзя сказать о пространстве и времени. Он повторяет своё обоснование эмпирического происхождения пространственно-временных характеристик объектов материального мира, которое он излагал в ряде прошлых работ⁹. Суть этого обоснования сводится к тому, что подведение объектов чувственной интуиции под одну и ту же категорию подразумевает их раздельное физическое существование. И поскольку эти объекты имеют пространственно-временные характеристики, из этого следует, что пространство и время принадлежат самим объектам: именно пространство и время предоставляют уникальную *возможность для различения материальных объектов*. Объекты могут отличаться друг от друга разными способами, но именно пространственная и/или временная локализация делает предметы различимыми, что позволяет считать пространство и время объективными характеристиками этих предметов. Стросон делает вывод, что «то, что является необходимым условием любого эмпирического суждения, само не является продуктом какого-то такого

⁹ См.: Subject and Predication. - London: Methuen, 1974. - P.15-16; Sensibility, Understanding and Synthesis // Kant's Transcendental Deductions (ed. E. Forster). -Stanford: Stanford University Press, 1989. - P.72; Kant's New Foundations of Metaphysics // Metaphysik nach Kant. - Stuttgart, Klett-Cotta, 1988. - P.160-161; Analysis and Metaphysics. An Introduction to Philosophy. - Oxford: Oxford University Press, 1992. - P.54-56.

суждения, то есть априорным»¹⁰. Таким образом, когда Кант говорит об априорности форм чувственной интуиции, он делает это безосновательно. Создаётся впечатление, размышляет Стросон, что Кант допускает существование существ, имеющих другую конституцию, для которых явления будут казаться иными, чем нам, потому что их априорные формы чувственности могут отличаться от наших. Получается, заключает Стросон, что мы никогда не узнаем, какова реальность сама по себе.

Дело с пониманием рассудочного познания и результатов чувственной интуиции у Канта обстоит по-иному. Кант не допускает мысли о возможности существования существ, чей интеллект дискурсивен как и наш, но отличается от него своими априорными формами. Для Канта логика является универсальной и «вполне законченной и завершённой» отраслью знания¹¹. Считая чувственную интуицию и дискурсивное (логическое) мышление взаимно дополняющими друг друга в познании реальности, Кант допускал существование у человека ещё одной познавательной способности - *интеллектуальной интуиции* как вполне самостоятельной и не нуждающейся в чувственной интуиции. Интеллектуальная интуиция имеет дело не просто с явлениями вещей, а с вещами как они существуют сами по себе. Признавая существование интеллектуальной интуиции, Кант не находит в этом никакого противоречия. Как и при рассмотрении чувственного познания Кант допускает существование особого мира объектов, отличного от того мира, о котором мы что-то знаем.

Но соединяет ли Кант две версии реализма – реализм метафизический и реализм эмпирический? Стросон даёт на этот вопрос отрицательный ответ и предлагает два обоснования этого «нет», противоположных по своему характеру. При первом - никакой сверхчувственной (ноуменальной) реальности помимо познаваемой (феноменальной) не существует. Мысль о

¹⁰ Strawson P.F. The Problem of Realism and the A Priori // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. - N.-Y.: Oxford University Press, 1997. - P.247.

¹¹ Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского, сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. - М.: Мысль, 1994. - С. 14.

вещах самих по себе является не мыслью о вещах иного порядка, чем те, которые познаваемы. Вещи сами по себе рассматриваются в полном отрыве от условий их познания. При таком обосновании победу одерживает эмпирический реализм. Доводом в его пользу является кантовское убеждение, что человеческое познание имеет свои границы, которые оно не может преодолеть. Такое толкование взглядов Канта несправедливо упрекать в сводимости к тавтологии: мы можем знать только то, что можем знать. Тогда нам пришлось бы проигнорировать блестящую и чаще всего убедительную демонстрацию необходимых структурных особенностей человеческого познания, которые сделали первую «Критику» уникальным философским исследованием, поясняет Стросон¹².

Второе обоснование концентрирует внимание на доктрине существования сверхчувственного мира вещей, не имеющего ни пространственного, ни временного измерения. Эта доктрина подкрепляется многими высказываниями «Критики чистого разума». В сверхчувственном мире вещей имеют место определённые, оказывающие воздействие на мир явлений, квази-каузальные отношения. *Квази-каузальными* они являются потому, что категория каузальности применима только в сфере явлений, имеющих временное измерение). Квази-каузальные отношения порождают *появление* организованного во времени человеческого опыта, того, что *является* как пространственно и каузально организованный мир объектов, отличный от их опытного восприятия¹³. При таком обосновании позиции Канта победу одерживает трансцендентальный реализм, поясняет Стросон, в то время как эмпирический терпит поражение.

Может показаться, говорит философ, что мы стоим перед выбором двух интерпретаций кантовской онтологии. *Или* реальными являются вещи, существующие во времени и пространстве, включая нас самих и наш

¹² Strawson P.F. The Problem of Realism and the A Priori // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. - N.-Y.: Oxford University Press, 1997. - P.249.

¹³ Strawson P.F. The Problem of Realism and the A Priori // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. - N.-Y.: Oxford University Press, 1997. - P.249.

организованный во времени опыт, а вещи сами по себе являются теми же самыми вещами, только рассматриваемыми в отвлечении от условий нашего познания – когнитивно пустыми формами без содержания, *или же* единственной реальностью является сверхчувственный мир вещей самих по себе (или ноуменов), не имеющих временного и пространственного измерения, и только *являющихся*, чтобы быть чем-то ещё. Однако Стросон предлагает не быть столь категоричными в таком разделении.

Первая интерпретация онтологии Канта нуждается как минимум в дополнении, что вещи сами по себе, рассматриваемые в отвлечении от условий познания, могут содержать нечто, о чём мы ничего не можем знать. Но это дополнение вряд ли является уступкой, которая серьёзно взволнует сторонника эмпирического реализма: он может ответить, что если даже что-то и находится за пределами наших познавательных способностей, для нас оно не имеет никакого значения.

Вторая интерпретация кантовской онтологии требует более серьёзной оценки. Если существующие на сверхчувственном уровне квази-каузальные отношения вызывают явления, если вещи реально *являются* нам в пространственном и временном облике, тогда, по-видимому, сам глагол «являться» должен содержать в себе временную конструкцию: эти проявления должны *на самом деле происходить* во времени. Альтернативой будет утверждение, что невременным мир может быть только для *трансцендентального* субъекта. Но при таком повороте мысли всё становится попросту непостижимым – откровенной чепухой. В результате нашего рассуждения напрашивается вывод, что проявления, то есть наши упорядоченные во времени репрезентации или восприятия, на самом деле происходят во времени, в то время как то, что мы вынуждены представлять как тела, находящиеся в пространстве, в реальности ничего из себя не представляют без этих репрезентаций. Выходит, что разница между идеализмом Канта и идеализмом Беркли не столь разительна, как полагал сам немецкий философ.

Ни в одной из предложенных интерпретаций кантовского ответа на вопрос о природе реальности и её познаваемости вывод не очевиден, хотя и ясно, что ни в одной из этих интерпретаций мы не наблюдаем, считает Стросон, простой комбинации двух вариантов реализма – метафизического и эмпирического.

И, наконец, ещё одно необходимое замечание. Хотя очевидно, что при любой интерпретации кантовской критической философии, мы, как эмпирические существа, безвозвратно отсечены от какого-либо *знания* о вещах самих по себе, однако занавес, отсекающий от нас вещи сами по себе, не является, с точки зрения Канта, непреодолимым. Реальность из-за занавеса как бы говорит, предлагая нам не информацию, но моральный императив; а с этим и кое-что ещё: разновидность надежды и даже веры. И как бы мало эти мысли нам не говорили, кажется ясным, насколько вообще что-то может быть ясным в этой тёмной области, заключает Стросон, что эти мысли были важны для самого Канта ¹⁴.

Стросоновский анализ кантовского деления мира на ноуменальный и феноменальный, проясняет для нас то, что понять их сосуществование или, как говорит Стросон, соединить реализм метафизический и реализм эмпирический, не удаётся. И думается, что это закономерный итог расширительного толкования Стросоном круга сущностей, которые Кант называл вещами самими по себе. Для Канта это всего лишь Бог, мир и душа. Не удивительно, что аналитические средства так и не позволили объяснить того, как мир ноуменов проявляется в мире феноменов: разные варианты стросоновской интерпретации сделать это не позволяют. Удивительно другое – окончание статьи, где Стросон ведёт речь о подаваемом из-за занавеса, разделяющего два мира, «моральном императиве», сопровождаемом разновидностью «надежды и даже веры». Возможно, интеллектуальная интуиция британского философа вела его к тому единственному решению, что те вещи, которые Кант относил в ноуменальным, никогда не

¹⁴ Strawson P.F. The Problem of Realism and the A Priori // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. - N.-Y.: Oxford University Press, 1997. - P.251.

превратятся в явления и будут всегда постигаться только интеллектуальной интуицией.

Если всё же попытаться посмотреть на проблему глазами Стросона: как природа реальности связана с познавательными возможностями человека, то ответ на него содержится в следующей статье британского философа. В ней показано, каким образом философы-аналитики восприняли и развили идею Канта о познании, опираясь на его метафизические допущения.

Новые кантианские основания метафизики

Статью «Новые кантианские основания метафизики» (1987) Стросон начинает с тезиса, что та философская традиция, в которой он сам работает, если не полностью, то во многом, базируется на метафизических допущениях кантовской философии. Коперниканская революция, которую совершил Кант в теории познания, заложила основы современных подходов в эпистемологии. При этом Стросон оговаривается, что это не значит, что доктрина *трансцендентального идеализма* была воспринята аналитической философией полностью. Правильнее будет сказать, что некоторые *аспекты* этой доктрины остаются до сих пор живыми, процветающими и даже доминирующими в работах философов двадцатого столетия, пишущих на английском языке ¹⁵.

Революционная идея Канта, что не наши знания должны соответствовать познаваемым объектам, а объекты должны соответствовать нашим знаниям, чтобы быть познаваемыми, теперь уже не кажется шокирующей. Причина новой оценки идеи Канта заключается в том, что постепенно приходит понимание того, что задача метафизики состоит не в выработке конкретных подходов исследования, а в формировании общей познавательной концептуальной схемы. Объекты исследования должны удовлетворять каким-то общим формальным условиям, чтобы стать

¹⁵ Strawson S.F. Kant's New Foundations of Metaphysics // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. - N.-Y.: Oxford University Press, 1997. - Pp.232-243.

доступными для нашего познания. Полное абстрагирование от некоторых формальных оснований, делающих вещи объектами познания, и стремление постичь вещи такими, какими они являются в реальности, исследователям осуществить не удаётся.

Если изложенная идея является характерной чертой идеализма, то большинство учений современной аналитической философии, замечает Стросон, являются идеалистическими. Однако надо помнить, уточняет он, что все эти учения в той или иной степени будут отличаться от кантовского. Для демонстрации данного положения Стросон обращается к работам таких философов как Томас Нагель, Хилари Патнэм, Дональд Дэвидсон, Уиллард ван Орман Куайн, Людвиг Витгенштейн и Майкл Даммит.

Томас Нагель во «Взгляде ниоткуда» (1986) разделяет позицию Канта только отчасти. Человек как природное существо стремится преодолеть преграду субъективности и постичь реальность такой, какая она есть сама по себе. Однако в отличие от Канта Нагель убеждён, что такая задача выполнима и человек в какой-то мере способен её решить. Вещи сами по себе могут выйти за пределы своих проявлений или категорий человеческого познания. Такую позицию Нагель считает реалистической, подчёркивая её отличие от позиции многих других современных философов, которых он относит к лагерю идеалистов. Идеалистами для него являются Витгенштейн и Дэвидсон, а неявно он относит к ним ещё и Куайна, Патнэма, большинство американских прагматистов, а также Даммита. Отличительной чертой, объединяющей взгляды этих философов, по Нагелю, является то, что все они «урезают» универсум до размеров того, что укладывается в прокрустово ложе человеческого понимания или человеческого дискурса. *Существовать*, значит быть понятым или понимаемым нами. Однако можно ли считать данное положение кантианским?

Хилари Патнэма Стросон рассматривает как представителя американского прагматизма. Разделяя общую позицию этого течения, согласно которому истиной является всякое знание, которое так или иначе

соответствует достижимым человеком целям и достаточным для человеческого познания условиям, Патнэм тем самым отвергает позицию «метафизического реализма», а свою называет позицией «внутреннего» или «эмпирического» реализма. В этом, считает Стросон, Патнэм повторяет Канта. В дальнейшем свою онтологическую позицию Патнэм именуется «человеческим реализмом».

Онтологические установки Дональда Дэвидсона по большому счёту не отличаются от установок Патнэма. Правда, Дэвидсон использует другие термины для описания своей позиции. Для Патнэма характерны термины, связанные с условиями познания или с занимаемой исследователем точкой зрения, для Дэвидсона же характерны термины, связанные с языком понимания. Дэвидсон считал, что у нас не может быть концептуального знания реальности, если мы не можем описать эту реальность в терминах понимаемого нами языка; не может быть понятия истины, если мы не можем выразить её в предложениях, переводимых в такие предложения, которые мы можем понять. Здесь видно влияние на него «Логико-философского трактата» Витгенштейна: границы *нашего* языка являются границами *нашей* мысли и, следовательно, границами *нашего* мира¹⁶.

Для взглядов Уилларда ван Ормана Куайна характерно, что он крайне ограничивает то, что доступно человеческому познанию. Куайн считает существующим лишь то, что вмещается в рамки *человеческого понимания*, то, что возможно описать средствами физических или биологических теорий.

Последняя работа Людвиг Витгенштейна «О достоверности» (1969), опубликованная много лет спустя после смерти философа, является, по мнению Стросона, углублением и детализированным изложением афоризмов 5.6 и 5.61 «Логико-философского трактата». Детализация заключается в разработке условий осмысленного (значимого) дискурса, который должен обеспечиваться единством лингвистических практик реального или

¹⁶ Strawson S.F. Kant's New Foundations of Metaphysics // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. - N.-Y.: Oxford University Press, 1997. - P.234.

потенциального сообщества, практик, которые в свою очередь образуют часть форм человеческой жизни. Стросон замечает, что в цитируемых им выше абзацем афоризмах 5.6 и 5.61 он намеренно изменил фразу «мой язык» Витгенштейна на «наш язык», а его фразу «мой мир» на «наш мир», чтобы подчеркнуть коллективный характер человеческого познания и знания.

В работе «О достоверности» следует подчеркнуть ещё одну идею Витгенштейна. Философ упоминает разновидность предложений, которые «имеют форму эмпирических пропозиций», но которые на самом деле эмпирическими не являются, поскольку они не производны от опыта. Однако эти предложения образуют «основу всех операций с мыслями (с языком)». Они образуют «картину мира», которая является «субстратом всякого моего исследования и утверждения» или «лесами наших мыслей», «элементом, в котором аргументы имеют свою жизнь»¹⁷. Витгенштейн не уточняет характеристик этих пропозиций, однако из смысла его замечаний следует, что в их число входят пропозиции, в которых идёт речь о существовании физических объектов и их каузальной согласованности. Из того, как Витгенштейн описывает эти пропозиции, их можно отнести к разряду, как сказал бы Кант, *синтетических* априорных суждений. Сам Витгенштейн их так не называл: он только отмечал, что данные пропозиции нельзя отнести ни к апостериорным, ни к логически (или аналитически) гарантированным. Он не считал необходимым обосновывать их сущность, он только говорил, что они образуют картину мира и являются наследуемым нами фоном, позволяющим отличить истину ото лжи.

Во всём этом, говорит Стросон, есть приглушённые кантовские мотивы. Их можно назвать «приглушёнными», а можно – «преобразованными». Если у Витгенштейна имеется явная отсылка к человеческому сообществу, к согласованию высказываний, у Канта она

¹⁷ Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л.. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. Перевод М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. - М.: Издательство «Гнозис», 1994.- С.335,

только подразумевается, поскольку он говорил о «человеческой точке зрения»¹⁸.

У Майкла Даммита мы находим новые интересные вариации кантовской метафизики, продолжает Стросон. Даммит считает, что существует множество предложений (*propositions*), смысл которых нам совершенно понятен, но о которых мы не можем с уверенностью сказать, являются они истинными или ложными. Нам не позволяют это сделать существующие на сегодняшний день познавательные возможности, лишаящие нас предмета рассмотрения. Такую, разделяемую им самим позицию Даммит называет антиреализмом. Однако, по мнению Стросона, Даммит, как и другие из уже упомянутых философов, воздерживается от того, чтобы именовать себя идеалистом. Из этого следует, что значение, с точки зрения Даммита, может выходить за пределы наших познавательных способностей, а вот судить по нему, какими вещи являются объективно, мы не можем. Приходящая на ум параллель между Даммитом и Кантом, считает Стросон, заключается в трактовке Кантом математических антиномий. Как Кант отвергал тезис и антитезис антиномии, так и Даммит считает невозможным судить об истинности или ложности предложения. Стросон считает, что утверждение о том, что одно из противоположных суждений должно быть корректным, основывается у обоих философов на ошибочном допущении, что наше знание объективных фактов может превышать наши познавательные возможности.

И, конечно, добавляет Стросон, параллель между двумя философами можно провести лишь отчасти: если Кант считает оба противоположных суждения антиномии ошибочными, то Даммит полагает, что ни об одном из них нельзя сказать, является оно истинным или ложным.

Приведённый обзор позволяет судить, что отличными от взглядов большинства упомянутых философов являются взгляды Нагеля. Согласно

¹⁸ Strawson S.F. Kant's New Foundations of Metaphysics // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. -N.-Y.: Oxford University Press, 1997. - P.235.

реализму Нагеля, природа вещей, как частично познаваемая, всё же выходит за пределы того, что человек может обнаружить или даже почувствовать в опыте. Это позиция метафизического реализма. Взгляды остальных философов лучше отнести к «внутреннему» или «человеческому» реализму, который сопоставим с «эмпирическим» реализмом Канта. «Это такой реализм, чьи объекты должны как минимум согласовываться с общими и формальными условиями, присущими любому возможному человеческому знанию о них»¹⁹. Даммит, добавляет Стросон, идёт как будто немного дальше эмпирического реализма, но не намного.

Так насколько же близки взгляды этой когорты философов взглядам Канта, повторяет ранее сформулированный вопрос Стросон. Если даже согласиться, что перечисленные философы приняли коперниканскую революцию, совершенную Кантом в гносеологии, как их взгляды соотносятся с доктриной трансцендентального идеализма? Сам Стросон придерживается точки зрения, что философы, о которых шла речь, в той или иной степени разделяют позицию трансцендентального идеализма Канта. Основанием такого мнения для него является то, что немецкий философ признавал существование априорных форм чувственной интуиции, рассудка и разума, а также проводил границу между миром вещей самих по себе и миром явлений²⁰. Влияние Канта разнообразно, не всегда завершено, иногда носит искажающий его идеи характер. Но это влияние налицо. «Трудно, по крайней мере, для меня, представить другого философа Нового времени, чьё влияние, каким бы отсроченным или опосредованным оно ни было, имело бы равное значение», заканчивает своё рассуждение о влиянии кантовской метафизики на философов аналитического движения Питер Стросон²¹.

¹⁹ Strawson S.F. Kant's New Foundations of Metaphysics // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. - N.-Y.: Oxford University Press, 1997. - P.236.

²⁰ Strawson S.F. Kant's New Foundations of Metaphysics // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. - N.-Y.: Oxford University Press, 1997. - P.237-243.

²¹ Strawson S.F. Kant's New Foundations of Metaphysics // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. - N.-Y.: Oxford University Press, 1997. - P.243.

Основная идея статьи Питера Стросона «Новые кантианские основания метафизики», выраженная уже в названии, вряд ли вызовет возражения. Стросон выбрал только один вектор влияния философии Канта на аналитическую философию, который оказался ему ближе. Речь идёт о трансформации концепции Канта о существовании ноуменального и феноменального миров и о границах человеческого знания в концепцию познания как взаимодействия концептуальной схемы и опытного знания. И в целом он прав в своих оценках.

Но нам хотелось бы отметить ещё один вектор влияния Канта на философов-аналитиков. Аналитическая философия, как наследница традиции классической рационалистической философии, является продолжательницей кантовской философии по смыслу вопрошания. Можно сказать, что она стала своеобразным завершением классической философской эпистемологии и метафизики в целом. Если философия Нового времени занималась поиском предельных оснований знания в терминах эмпиризма или рационализма, а позже в философии Иммануила Канта в форме синтеза эмпирического и рационального, то аналитическая философия сделала акцент на средствах выражения предельных оснований знания в языке и теории его изучения – лингвистике. Для философов Нового времени важен вопрос: «Что я могу знать?» Для философа-аналитика интересен другой вопрос: «Как ясно и непротиворечиво я могу выразить языковыми средствами то, что я могу знать?» Парменидовский проект «широкой аргументации от мысли и языка к миру в целом» (Б. Рассел) получает в аналитической философии логическое завершение: язык рассматривается как предельная субстанция анализа бытия и познания. Американский исследователь Ганс Слуга размышляет: «По-видимому, существует естественный прогресс в философии от метафизики через эпистемологию к философии языка... Сначала философы думали о

мире, затем о путях познания мира. Наконец, они обратили внимание на способ, которым такое познание выражается»²².

Список литературы

1. Боброва Л.А. Фреге или Витгенштейн? О путях развития аналитической философии // Философские идеи Людвиг Витгенштейна. - М.: Ин-т философии РАН, 1996.
2. Брюшинкин В.Н., Чалый В.А. Питер Стросон и его метафизика. Послесловие // Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. / Пер. с англ. В.Н. Брюшинкина, В.А Чалого; под ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта, 2009. С.296-308.
3. Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л.. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. Перевод М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. - М.: Издательство «Гнозис», 1994.
4. Золкин А.Л. Язык и культура в англо-американской аналитической философии XX века. – Автореферат на соискание степени доктора философских наук. – Тула, 2005.
5. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского, сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. - М.: Мысль, 1994.
6. Макеева Л.Б. Рецензия // Вопросы философии. 2011. №5. С. 182-185. Рец. на кн.: П.В. Стросон. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. Калининград: Изд-во Рос. гос. ун-та им. И. Канта, 2009. .
7. Панченко Т.Н.. Критический анализ концепции «дескриптивной метафизики» Питера Стросона. Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. Рукопись. - М., 1980.

²² Sluga H. Gottlob Frege. L., 1980. - P. 1. Цит. по: Л.А. Боброва. Фреге или Витгенштейн? О путях развития аналитической философии // Философские идеи Людвиг Витгенштейна. - М.: Ин-т философии РАН, 1996. - С.100.

8. Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики / Пер. с англ. В.Н. Брюшинкина, В.А. Чалого; под ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта, 2009.
9. Суханова Е.Н. Дескриптивная метафизика П.Ф. Стросона в контексте развития аналитической философии. Автореферат на соискание степени кандидата философских наук. – Томск, 2008.
10. Strawson P.F. Subject and Predication. - London: Methuen, 1974.
11. Strawson P.F. Kant's new foundations of metaphysics // Metaphysik nach Kant. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1988.
12. Strawson P.F. Sensibility, understanding and synthesis // Kant's Transcendental Deductions (ed. by E. Forster). - Stanford: Stanford University Press, 1989.
13. Strawson P.F. Analysis and Metaphysics. An Introduction to Philosophy. - Oxford: Oxford University Press, 1992.
14. Strawson P.F. Kant's new foundations of metaphysics // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. - N.-Y.: Oxford University Press, 1997.
15. Strawson P.F. The problem of realism and the a priori // Strawson P.F. Entity & Identity and Other Essays. - N.-Y.: Oxford University Press, 1997.

N.A. Blokhina

PETER STRAWSON ON KANT'S FOUNDATIONS OF ANALYTICAL METAPHYSICS

The article deals with two late papers by the British philosopher Peter Strawson (1919 – 2006). In these works he demonstrates the devotion to his conception of descriptive metaphysics. Strawson considers Immanuel Kant to be the forerunner of the analytical metaphysics in elaboration of the conceptual means, but we say that in the form of methodological aspirations as well.

*analytical philosophy, descriptive metaphysics, metaphysical & empirical realism,
conceptual scheme*